

Алекс Сино

Вам и не снилось, или Once Upon a Time in Miami

«Первое, что нужно усвоить во взаимоотношениях с другими людьми, это то, что им нельзя мешать быть счастливыми – так, как они того хотят, если только это не мешает нам стать счастливыми – тем способом, как мы того хотим».

Уильям Джеймс

Международный аэропорт Майами встретил Романа недружелюбно. Толстенная темнокожая работница федеральной безопасности мрачно покосилась на худощавого юношу лет двадцати в джинсах «Ливайс» с потертым гитарным кофром и чемоданом, по-совковому обтянутым белой упаковочной пленкой. Модная короткая стрижка с кудрявым чубом. Черная рокерская майка. Вроде простенькая, но фирменная. Если бы не паспорт Украины, его можно было бы принять за типичного подростка из Майами.

– Цель визита, – спросила она, брезгливо открывая паспорт двумя пальцами, чтобы не повредить свои пятисантиметровые ярко-красные когти.

– Студент, – ответил Рома, – еду в Эпкот в Диснейленде подрабатывать на летних каникулах.

– Гитара зачем? Если выступать на концертах, нужна рабочая виза.

– Что вы! Я любитель. Хотите сыграю?

От неожиданности толстячка улыбнулась.

– Блюз?

– Могу и блюз.

– А в какой павильон едешь в Эпкоте? Там вроде нет павильона Ю-С-С-Р?

– Да и страны уже такой давно нет, – усмехнулся Рома. – Я на три месяца прикреплен к павильону Мексики.

– Bueno, entonces ¿hablas español?

– Si, señora!

– Señorita. No estoy casada. Pasa por favor, – уже совсем дружелюбно сказала она, протягивая паспорт со штампом.

Рома энергично зашагал по бесконечным коридорам аэропорта к выходу.

Когда стеклянные двери аэропорта раздвинулись, Рома увидел плотного седого крепыша с круглым пузиком в майке «Майами Хит», в очках-каплях «Рэй Бан», висящих на ленте с надписью «Epcot Orlando Florida», в мятых шортах и шлепанцах. В руках у него была картонная табличка с надписью «Roman».

– Welcome to Miami, – затрещал крепыш. – Я – дядя Леон. Я буду называть тебя Рѳман с ударением на первом слоге. Привыкай. У нас «Рома» означает название города или еще бог весть что.

Они сели в раскалившийся на солнце автомобиль и помчались по направлению Майами-Бич.

Дядя Леон был давним приятелем и бывшим соседом по одесской даче Ольги, Роминой мамы. Ольга родилась в интеллигентной одесской семье. Она прекрасно пела, рисовала, училась в престижном театральном училище – в общем, подавала большие надежды. Но незадолго до рождения Ромы в Штатах случилась какая-то история, связанная с дядей Леоном. Об этой истории в семье было не принято говорить. После нее Ольга бросила занятия и поступила на работу редактором в ТЮЗ, где провела все эти годы.

Дядя Леон был известным в русскоязычной среде импресарио. Он возил по Штатам артистов из «бывшего советского». Известных, но не самых популярных. Привозил моноспектакли, «народные коллективы», цирк. У него много лет была идея фикс – с девяностых он вел переговоры с самим «Диснеем» насчет открытия павильона «Советский Союз» в диснеевской «витрине мира» – Эпкоте. Дядя Леон даже во сне видел огромный собор Василия Блаженного из папье-маше вперемешку с прессованным

картоном и лотками с икрой, блинами и прочим кичем. Но в 1991 году империя развалилась, и дядя Леон покорно ждал с десяток лет потепления атмосферы и крепкого нефтяного рубля.

В 2001 он набрал группу молодых артистов, привез их во Флориду и продемонстрировал потенциальным инвесторам новую идею – павильон «Одесса» во всей совковой красе. Леон потратился на огромный макет одесского оперного театра, перед которым стоял зеленый герцог Ришелье, а сразу за ним начиналась Дерибасовская с уходящей вдаль Потемкинской лестницей, за которой располагался Привоз. Причем молодые артисты, которые все удивительно напоминали Леонида Осиповича Утесова, мастерски исполняли «7:40» и «Ах, Одесса». Красота, да и только! Все было хорошо до объявления сметы. Услышав о сумме с семью нулями, спонсоры загрустили, выпили водки в русском ресторане, купили на привезенный кэш по новой квартире на теплом майамском пляже и разъехались кто куда.

Леон носился со своими планами до 2008 года, но вдруг предательски рухнул доллар, прихватив с собой всю мелочную валюту других стран. Бедняга в отчаянии запил и, представляясь импресарио из Диснейленда, начал привозить из Украины во Флориду молодых фигуристов и не очень разборчивых девушек под видом артисток варьете в майамские стрип-бары на бульваре Бискейн, за что и приземлился в федеральную тюрьму Флориды сроком на тридцать девять месяцев.

После отсидки Леон взялся за ум и у своих друзей из Диснейленда все-таки выбил контракт на вербовку студентов из Украины для летней работы в Эпкоте. На этот раз все было серьезно и без левых виз. Дядя Леон нанимал молодежь для работы в бесчисленных ресторанах и гостиницах Эпкота. Более способные ребята работали в ежедневных музыкальных шоу. От них требовалось знание языков, внешний лоск и обязательное возвращение домой после трех месяцев работы. Иначе Леону грозили бы неприятности от иммиграционных служб.

Однажды он позвонил Ольге.

– Привет, Оля. Набираю новую группу на лето. У тебя есть кто-то подходящий в твоём ТЮЗе?

Она неожиданно обрадовалась.

– Леончик, возьми моего Ромку.

– А что он умеет?

– Пишет песни, поет. Обожает кубинский музон и латину. Даже прошел в «Голос» к Агутину. Не пожалеешь! Хочу, чтобы Ромка попал в Штаты. Может, хотя бы ему повезет. Помоги ему ради нашей дружбы. Вдруг он там знаменитым станет, и ты наконец-то разбогатеешь на старости лет!

Дядя Леон уверенно вел машину по скоростной трассе I-95, непрерывно огрызаясь с водителями соседних машин, переключая радио с одной станции на другую и при этом не забывая засыпать Рому вопросами.

– Музыку любишь?

– Люблю. Но у нас латинский грув мало кто понимает. Всего пара-тройка музыкантов в этом стиле работает.

– А ты сам-то пишешь?

– Пробую. Тяжело. У нас сквозь стену шансона не пробиться. Все у них на радио, кроме Стаса Михайлова, – «неформат». Как будто они хоть что-то понимают в музыке.

– Тебе, значит, должно понравиться в нашей мексиканской бригаде. Играй их музыку сколько душе угодно.

– Вот и вы, дядя Леон, туда же. Да не мексиканская это музыка, которую я люблю. И мелодии не простецкие, как у них, и ритм совершенно другой. У нас как слышат перкуссию, так обязательно представляют мариачи в сомбреро. Чушь какая! Да что ожидать от публики, дружно хлопающей в первую сильную долю? Вот послушайте, – Рома достал из сумки диск и поставил его на внушительной громкости. – Вот это музон! В стиле босса-нова, мелодия фирменная, классная, а слова на русском. Вот о чем я говорю!

– Ну ладно, – мирно согласился дядя Леон. – Не сердись. Спой, объясни, а я постараюсь понять. Ты мне скажи, Рома, а как это мама тебя отпустила ко мне после всей этой истории?

– Какой истории? – напрягся Рома.

– Упс, – дядя Леон прикусил губу, – забудем. А впрочем, ладно. Слушай. Все равно кто-то расскажет.

Они подъехали к стекляшке, зажатой с одной стороны докторским офисом, а с другой – автозаправкой. Половина стекляшки была отгорожена полками с консервами, сладкой водой, колба-

сами и печеньем. На другой стороне находился буфет с джентльменским набором – холодец, оливье, селедка под шубой, котлеты с чесноком и прочее.

– Это наш гастроном, – гордо сказал дядя Леон. – У вас таких магазинов нет! Здесь, в нашем Санни-Айлс, есть все, что мы любим. Здесь у нас Майамская ривьера. Живи, ешь, купайся в океане, получай удовольствие, если, конечно у тебя богатые родители.

Он весело рассмеялся собственной шутке.

«Это уж точно», – подумал Рома. Он часто впоследствии об этом вспоминал, проводя время с дядей Леоном. В Одессе таких заведений уже не было и в помине. Все русские рестораны и магазины Санни-Айлса, района Майами-Бич с высоченными новенькими домами у океана, напоминали старые советские фильмы начала девяностых с «шикарными» привокзальными ресторанами. Белые стены, клеенка, две лампочки, а в углу обязательный полупьяный сонный дядька за клавишами. Это был своеобразный памятник эмигрантской ностальгии и тяге к шикарной жизни в советское время. Советский юмор в названии заведений и продуктов был соответствующим обстановке – рестораны назывались «Романофф», «Император», «Россия» и тому подобное, блюда – «Закусон», «Тещин язык», «Мамины руки» и так далее, висели рекламы типа «Ресторан «Татьяна» – пир у окяна». Но все было по-доброму и именно так, как требовала клиентура.

Леон сел за столик и широким жестом пригласил Рому.

– Ольга приехала в Майами по моему вызову в 2001 году. Мы тогда готовили культурную программу в рамках павильона «Одесса» в Эпкоте для потенциальных вкладчиков. Тогда Санни-Айлса еще не было. Только два новых дорогуших дома, а вокруг маленькие мотели а-ля курва-хауз по двенадцать долларов за ночь, в одном из которых мы жили. На этом месте с пятидесятих годов был знаменитый «Раскал Хауз» с борщом, котлетами, кислой капустой, настоящими солеными огурцами и холодной водкой. Там мы собирались на обсуждения и репетиции, развлекая восьмидесятилетнюю публику. В выходные дни мы вырывались на Саус-Бич в маленькие кафе с кубинскими бутербродами и умопомрачительной живой музыкой. Ольга прекрасно танцевала, пела и рисовала.

На Линкольн-Роуд она могла за два часа рисованием портретов заработать нам всем на ужин. Там же, на Саус-Бич, они познакомились с Хорхе, которого друзья на американский манер называли Джордж. В те годы была популярна группа «Но Мерси». Хит этой группы «Куда бы ты ни шла, я последую за тобой» пела вся молодежь. Слова шлягера оказались провидческими.

Музыканты и продюсеры этой группы работали в основном в Европе, но при первом удобном случае приезжали к себе домой, в Майами. Джордж был одним из них. Типичный парень из Майами – прекрасно выглядел, пел, играл на гитаре, родился в Штатах, но обладал сумасшедшей энергией и талантом, унаследованным от кубинских родителей, приехавших в Майами детьми в 1961 году по программе «Дети Питера Пэна». Джордж, увидев Ольгу, уже не отходил от нее ни на шаг. Мы все потеряли голову в его компании – доступ за кулисы к лучшим артистам, звукозаписывающие студии, где во дворе стояли «роллс-ройсы» Хулио Иглесиаса, Хосе Фелисиано и Глории Эстефан, концерты и музыка... музыка... музыка. Между прочим, мои потенциальные вкладчики тоже были под впечатлением от нашей тусовки.

Три месяца пролетели быстро. Денег на проект не было. Визы заканчивались. Я заказал для группы обратные билеты. Но тут вмешался Джордж и заявил, что Ольга никуда не поедет. Он, видите ли, решил жениться на ней. Они распишутся, и Ольга получит документы и вид на жительство. Ольга осталась, а Джордж поехал на гастроли. Расписаться они, видимо, не успели.

Через какое-то время мне позвонил адвокат, работавший на «Диснея». Мне очень вежливо объяснили, что моя подопечная нарушила визовый режим США, и они получили запрос из консульства с жалобой от родителей Ольги на действия Диснея и Эпкота, якобы удерживающих студентку, не имеющую прав на работу в США. Я помчался к Ольге. Она была растеряна. Оказывается, ее родители денно и нощно звонили ей, угрожали и уговаривали уехать назад.

Ольга отказалась. Тогда пришла телеграмма от родственников, заверенная в посольстве, с текстом, что Олина мама серьезно заболела и находится в тяжелом состоянии. Ольге предлагалось немедленно выехать в Одессу, чтобы попрощаться с мамой.

Джордж умолял ее не делать этого, но Ольга его не послушала. В Одессе выяснилось, что телеграмма была фальшивкой. Совершенно здоровая мама встретила ее в аэропорту. Уезжать назад в Штаты не представлялось никакой возможности. Виза была просрочена. Условия ее были нарушены.

– Знаешь, Рома, американцы позволяют нарушать закон только один раз. Второй возможности они просто не дают. Вот такие дела, – закончил свой рассказ дядя Леон.

– А что случилось с Джорджем?

– Ничего. Погоревал. Звонил ей, но она не отвечала на звонки. И он постепенно втянулся в привычную рутину – гастроли, музыка, артисты...

– А где он сейчас?

– Да где ему быть? Здесь и живет. В Майами. Пишет музыку. Продюсирует молодых ребят вроде тебя. Иногда и сам выступает.

– Понятно.

История о Джордже, рассказанная Леоном, время поездки Ольги в Штаты, смутные намеки бабушки на отца-музыканта, испортившего жизнь и карьеру его маме, слезы и напутствия Ольги перед его поездкой в Штаты, причитавшей «поезжай – это судьба», не вызывали сомнений, что Джордж и есть его отец, который, впрочем, и знать не знал о своем взрослом сыне.

Погостив у дяди Леона несколько дней, Рома уехал в Орlando работать. Он писал музыку, совершенствовал испанский и английский и обзаводился друзьями. Иногда на выходные приезжал к дяде Леону поболтать.

Однажды он попросил Леона помочь ему найти студию для записи «дудок» и перкуссии для его новой песни.

– Дядя Леон, жить во Флориде и не записать живые трубы и барабаны – это преступление!

– Без проблем. Я позвоню Джорджу. Он поможет. Заодно и познакомитесь.

Джордж заехал за Ромой на модном «кадиллаке эскалэйд» черного цвета.

– Привет, парень! Я – Джордж. Вотс ап?

– Привет, Джордж! Ты не похож на кубинца!

– О! Знаменитые стереотипы, – улыбнулся он. – Между прочим, у тебя тоже внешность не славянская. Ты похож на свою маму. А я похож на свою. Она была настоящая гаего – галицианка из Испанской Галиции. Как наш Фидель, – усмехнулся он. – Или для лучшего примера – Хулио Иглесиас или ваш Горбачев. Я, между прочим, его родственник.

Роман удивленно вскинул брови.

– Вы хотите сказать, что Горбачев – кубинец?

– Да нет же, но он тоже гаего. Не удивляйся. У нас говорят, что он внук Антона Горбачо из Галиции, моего прадеда. В 1917-м он переехал в Россию для участия в революции и стал Горбачевым.

– Вы смеетесь надо мной?

– Нет, конечно. Возможно, это легенда, хотя галицийцы, беспокойный и воинственный народ, утверждают, что это чистейшая правда. Ты сочиняешь музыку? – поинтересовался Джордж.

– Да.

– Давай послушаем.

Роман протянул ему CD.

– Садись в машину. Это лучший способ для прослушивания. Ничего не отвлекает. Ты слышишь каждый звук. Только в машине понятно, правильный ли баланс и как смастерен диск! Послушаем по дороге, а сейчас едем в студию записывать тебе перкуссию и «дудки». Мы, между прочим, едем в знаменитую «Критерию», где записывались «Би Джиз», Майкл Джексон, «Иглс» и Эрик Клаптон. Именно по дороге в «Критерию», проезжая металлический мост, по которому едем и мы, «Би Джиз» придумали свой знаменитый ритм для «Субботней лихорадки». Помнишь этот ритмический стук? – улыбнулся Джордж.

Они подъехали к металлическому забору. После проверки ворота раскрылись, и они медленно въехали во двор. Студия была двухэтажной, с мерцающими сиреневыми буквами «Критерия». Стояли нарядные машины, на которых приезжали артисты. Перед машинами были таблички: Артуро Сандовал, Хулио Иглесиас, Кристина Агюлера. Роман зажмурился. Слышалась музыка. Во дворе курили хипповые ребята.

Они медленно вошли в вестибюль. Десятки платиновых и золотых альбомов, висящих на стене.

– У нас запись в студии Б, – небрежно бросил Джордж охране.

Они зашли в большую темную и холодную комнату, две трети которой занимал огромный пульт. По бокам висели дорожные динамики. За пультом – стеклянная панель. За ней перед микрофонами сидела ритм-секция: перкуссия, ударные и бас. Сессия была в разгаре. За пультом – инженер и продюсер. На диване сидела изящная девушка лет восемнадцати в черных джинсах, кедах и белой футболке с принтом «Пол Маккартни: 2012 мировой тур».

«Наш человек», – подумал Рома.

– Даже и не глазами на нее, – шепнул Джордж. – Джули моя клиентка. Ее папа – олигарх из Москвы. У него там что-то вроде аэропорта типа нашего майамского. Он всю эту музыку оплачивает! А также университет, квартиру, телохранителей и прочую мишуру.

Рядом с девушкой на диване сидели два парня. Тоже лет восемнадцать-двадцать.

– Привет, ребята. Это Роман. Он из Одессы. Любит кубинскую музыку.

Пацаны расхохотались, задвигались в ритме сальсы и запели хором старую песню из репертуара Рики Рикардо «Я кубинец Пит, я король ритма, я танцор».

Сарказм не смутил Рому. Он схватил бонги и заиграл поперек их движения, закружившись в сложнейшем синкопированном ритме.

С дивана поднялась девушка, протянула ему руку и сказала:

– Привет, Рома. Я – Джули, по-одесски просто Юля. А эти два клоуна – Феликс и Хосе.

Все рассмеялись. Напряжение улетучилось. Рома уселся на диван рядом с девушкой.

– Джордж, послушай припев и куплет моей новой песни. Подскажи, как построить бридж.

Она взмахнула рукой, и инженер запустил запись.

«Да, она, несомненно, наш человек», – опять подумал Рома.

– Ребята, – сказала Джули, – я начала припев в мажоре, но второй мажорный аккорд и музыкальная фраза, этот аккорд сопровождающая, звучит не хиппово.

– А ты замени мажорный аккорд на фа минор – и мелодия заиграет, – невинно бросил Рома.

Теперь уже Юля посмотрела на него с нескрываемым интересом. «Он мой человек», – подумала она.

Они больше не расставались. Везде появлялись вместе. Юля сняла маленькую студию на Саус-Бич втайне от родителей, якобы так ей было удобнее заниматься. Они играли друг другу свою музыку. Ездили в Орlando. Джордж сводил Юлину пластинку. Они пропадали в «Критерии». Юля готовилась к поступлению в музыкальный колледж в Майами по классу композиции. Роман написал стихи к ее новым песням. По «Скайпу» говорили с Ольгой. Пели с ней в три голоса. Юля очень понравилась Ольге. Роман был счастлив. Даже однажды украдкой показал Ольге по «Скайпу» Джорджа, ничего у нее не спрашивая, но понимая, что Джордж его отец. Об этом, разумеется, догадывался и сам Джордж. Жизнь потихоньку налаживалась, и только беспокойный дядя Леон, наблюдая складывающуюся идиллию, волновался, что или Рома последует примеру Ольги и решит остаться в Майами, или случится еще какая-нибудь пакость.

В этот день Рома застал Юлю в слезах.

– О наших отношениях узнал мой папа. Он ждет нас вечером дома для разговора. Я не жду ничего хорошего от этой встречи.

Они взяли такси и поехали на Голден-Бич. Огромный многомиллионный дом у океана смутил Рому.

Юлин отец говорил жестко.

– Ты, кажется, здесь проездом? Ааа... ты студент. Еще лучше. Выступаешь в Орlando. Уже нет? Виза заканчивается? Ждешь депортации, может быть? Нет? А как думаешь здесь жить? Хочешь жениться? Удобно. Я, молодой человек, своей башкой в девяностые рисковал. Десять лет выбивал грин-карту. Наконец-то стал жить нормально и забывать все эти оливье и «С легким паром!». И вот получил сюрприз. Да... от совка и сумы никто не застрахован. Юля, прекрати плакать. А ты, парень, не заставляй меня прибегать к крайним мерам. Чтооооо? Не пугать тебя? Пошел отсюда. Деньги на такси дать – или заработал пеннием на улице?

Рома пытался что-то доказывать. Умолял дядю Леона помочь. Он даже устроил разговор Ольги с Юлиным отцом, но после фра-

зы «Да вам и не снилось жить в этой стране» Ольга горько улыbnулась и повесила трубку.

Телефон у Юли больше не отвечал, их маленькая квартира на Саус-Бич была заперта, Юля не показывалась на «Критерии». Запись ее альбома была аннулирована.

Услышал он ее голос только через две недели.

– Я в Лондоне. Папа оплатил Оксфорд и заставил меня уехать. Но мы обязательно встретимся. Правда? Открой файл на «Скайпе». Это моя новая песня.

Через год дядя Леон летел рейсом Вена – Одесса. Он волновался. Шутка ли? Он почти тридцать лет не был в родном городе. Настояла на приезде Оля. Она пообещала Леону контракт с талантливыми артистами, на которых можно заработать кучу денег. Леон оделся нарядно: джинсы «Версаче», туфли из фальшивого крокодила, легкая соломенная шляпа, а на руке с большим «ролексом» зачем-то висел складной зонтик.

– Хэллоу, – значительно сказал Леон, небрежно бросая на стойку синий американский паспорт.

Лейтенант-таможенник, заглянул в паспорт, увидел надпись «место рождения – г. Одесса», улыbnулся и сказал:

– Проходите, будь ласка!

– А шо? – прокололся Леон и тоже добродушно улыbnулся.

На площади Леона встречал Роман, одетый так же, как дядя Леон год назад: в мятой майке, шортах, тапках «Адидас» на босу ногу, в очках-каплях «Рэй Бан» и с табличкой в руках «Мистер Леон из Майами». Они расхохотались, обнялись и пошли к машине.

– Едем к нам на дачу, – сказал Рома. – Мама наготовила кучу еды.

Они подъехали к красным воротам напротив трамвайной остановки на четырнадцатой станции Фонтана. На желтом кирпиче из ракушняка висела старая табличка «Кооператив «Культбыт специалиста». Леон заплакал и побежал по длинной аллее мимо ржавых почтовых ящиков. Ящик с надписью А.Л. Гольдштейн был открыт. Леон быстро сунул туда руку и тихо сказал:

– Почты нет. Видно, папа, как обычно, уже вытащил свою «Правду» и «Литературную газету».

Рома обнял внезапно постаревшего Леона и подвел к калитке. У калитки стояла Оля.

– Привет, любимый Леончик! Спасибо тебе за все.

Она потянула его в сырую прохладу одесской дачи. На раскладном польском обеденном столе лежала камбала-мальчик с шипами, помидорный одесский салат, брынза, бычки и холодец.

– Ой, – растрогался Леон. – Все как я люблю! Почти как у нас в гастрономе в Майами, – не удержался он. – Правда, Роман? – и весело расхохотался.

– А вот и наш сюрприз, – торжественно объявил Рома. – Моя жена Юля! Ее новый клип посмотрели двадцать пять миллионов человек. Она стала самой популярной украинской певицей. Латиноамериканское отделение Уорнера предложило ей контракт на два альбома и собственное шоу в Диснейленде. Но как ей без менеджера? А, дядя Леон? Согласны?

Леон порылся в сумке, достал толстенную сигару и прикурил от золотой зажигалки «данхилл».

– Больше и лучше Леона никто не заработает в Диснейленде! И наш продюсер, Джордж, нам поможет. Это я вам говорю! – произнес он, украдкой поглядывая на себя в большое зеркало на противоположной стене. – Вам и не снилось! Правда, Оля?

Палм-Бич

